

ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ НАШ КРАЙ И ХОЧЕТ ЗНАТЬ ЕГО ИСТОРИЮ

Приложение к газете «Вперед», № 4 (52), июль-август 1999 года

«Дорогая моя дочка, просила ты написать о нашей родословной и той земле, где жили наши предки. Теперь это стало модным. Многие восстанавливают свои корни, пишут родословные. Сколько я помню, на протяжении всей моей жизни никто не расспрашивал меня об этом...»

Так начала свое первое письмо Евдокия Петровна Иванова (Иванова — это псевдоним). Живет она сейчас в Сергеевом Посаде, а родилась и выросла в деревне Смолино, что в пяти-семи верстах от Федорцова. Когда узнала, что сотрудники краеведческого отдела направляются в те края в экспедицию, попросила поклониться родным местам и могилам близких.

В деревне Смолино было когда-то 66

О РОДИНЕ МОЕЙ МИЛОЙ

Письма к дочери

домов, остался один. Стоял он на отшибе, вот и забыли снести. Сейчас в том доме живет дед Афанасий. Живет чем бог послал: рыбу ловит, по грибы и ягоды ходит, кур завел. Евдокию Петровну помнит. «Была она, — говорит, — года на два старше меня».

Письма, которые мы сегодня публикуем, Евдокия Петровна написала дочери и тем, кто будет жить после нее. Это письма о России, которую мы потеряли.

А ДОМ НАШ СТОЯЛ НА КРАЮ ДЕРЕВНИ...

Я ГОРЖУСЬ ТЕМ, что мои родители крестьяне, честные труженики. Помню раннее детство. Кроме отца и матери, в семье были две мои сестры Пелагея и Варвара, крестная Евгения Ивановна, сестра отца, и бабушка Анна Кузьминична. Бабушка умерла в 1928 году 82 лет. По моим подсчетам, она должна была помнить крепостное право. Отец мой Алексей Иванович, дед Иван Дмитриевич, прадед Дмитрий Петрович и последний, о ком до меня дошли устные сведения — Петр Филиппович.

Помню деда Федора Динина (даже отчество его не знаю). Сохранилось только одно впечатление: сидит он скорчившись на печи, очень старый и больной. Мне было не больше пяти лет.

Вот и все о «родословной», если можно так назвать эти краткие сведения. Знаменитостей в роду не было, зато представители всех поколений были честными людьми, добросовестными тружениками, обрабатывали землю, выращивали хлеб, держали скотину. В хозяйстве всегда были лошади, коровы, овцы и пр. Работали от зари до зари. Поэтому в семьях был достаток.

Таких трудолюбивых семей было много. Это были настоящие потомственные крестьяне, любившие землю, работавшие не покладая рук. Гордились друг перед другом. Собираясь, делились опытом, говорили о том, кто сколько накопил сена, и о другом.

Такой самозабвенный крестьянский труд создавался и укреплялся долгими-долгими годами. И можно ли «возродить крестьянина» той поры трудно сказать.

Деревня, в которой мы жили, состояла из 66 домов. В каждом доме была лошадь, корова, а то и две.

Помню раннее детство. Почему-то запомнилась эта впечатляющая картина. Пастухи гонят стадо домой. Впереди — табун лошадей, далее — стадо коров, затем стало овец и телят. Теперь ничего нет. Нет не только лошадей и коров, но нет и домов, на месте деревни пустое место, нет и потомков тех замечательных крестьян. Некому продолжить лучшие традиции, выработанные веками.

Все сметено временем.

А могло быть иначе. И наша великая прекрасная Родина не оказалась бы на дне пропасти.

И как дошли мы до жизни такой — об этом речь впереди.

А ОРОГАЯ моя дочка! Опять мне хочется начать с самого начала. Извини, что нет определенного плана и четкой последовательности.

Мысленно переношу себя в те далекие невозвратные годы. Лес и болото окружали деревню с трех сторон, а с четвертой простиралась поля с песчаной плодородной почвой. Помню первое сознательное впечатление: я на улице возле своего дома стою и вижу вдалеке школу, а перед ней высокий зеленый холм. Это, видимо, потому, что я была очень мала, и густая зеленая трава среди улицы казалась мне холмом. Улица тянулась в бесконечность. Тогда мне казалось, что это очень далеко и мне туда не дойти. На самом же деле до школы от дома было меньше 200 метров.

Помню, как мы, дети, бегали по полям и лугам, где трава скрывала нас с головой. Потом, когда я подросла, удивлялась: почему трава стала ниже меня?

Дом наш был на краю деревни, а дальше, к болоту, был луг, на котором всю весну и лето пестрели цветы. Возле деревни сосновый красивый лес, где водились и медведи, и волки, и другие звери. Лоси были и тогда и сохранились до сих пор. А медведей и волков нет уже давно. Изредка можно встретить зайчика. Много было грибов и ягод: черники, малины, клюквы, брусники, смородины и др. Дети 5 - 7 лет ходили в лес самостоятельно. На самом краю леса набирали чернику и шли домой. Было престижно набрать корзиночку, банку или кружку, взяв с собой, полную. Важно, чтоб посуда была полной независимо от ее размера.

Такое было раздолье! Из леса шли по тропинкам среди ржи, украшенной васильками. Великое счастье идти или бежать по мягкой и теплой песчаной земле босиком. (Обувь надевали только в лесу.) Босиком бегали с весны до осени.

В жаркое время купались в пруду, который находился за деревней и назывался Полевой. И мальчики, и девочки без купальников, без трусов.

Всю эту прелесть с чистейшим

воздухом, водой, богатой природой слегка омрачали комары. Гудели они, жужжали с ранней весны и до осени. Местные жители к ним привыкли и не обращали внимания. Летом появлялось множество всяких насекомых: слепней, потыкушек и др.

Первые годы жизни (до школы) остались в памяти как один очень большой и прекрасный день. Разнообразия особого не было, но гулять по бескрайним просторам полей и лугов никогда не надоедало. Очень любил бегать по лужам после дождя. Ноги в полной безопасности: никаких на земле отбросов (банок, бутылок и пр.), никаких свалок или мусорных куч не было и в помине. А лес, чудный прекрасный лес очаровывал своей таинственностью, которую нам предстояло познать.

Незатейливые детские игры зимой и летом оставили много приятных воспоминаний.

В те годы в деревне появилась избачитальня, где мы брали книжки. Один рассказ (тогда мне казалось, что он очень большой) я прочитала с начала и до конца. Этот рассказ назывался «Малыш и Жучка». Это первое произведение, прочитанное мною самостоятельно. Потом Паша Соловьев (комсомолец) подарил мне букварь за то, что я научилась читать. И настала пора идти в школу. Я очень много приложила усилий, чтоб поступить в 1-й класс шести лет, но ничего не вышло.

В 1928 году, когда мне исполнилось семь лет, я начала учиться. Училась я хорошо. Без труда закончила начальную школу, а потом тоже без труда получила семилетнее (неполное среднее) образование в Федорцовской школе.

В семилетнем возрасте я уже имела свои обязанности. Все старшие в семье (5 человек) работали весь световой день. А я должна была возле дома. Должна была я кормить цыплят, чистить картошку и выгонять из огорода кур. Обязанности несложные. Но меня угнетало одиночество. Дом был вторым от края, недалеко болото, подруг рядом не было. Среди деревни были многодетные семьи. Я иногда слышала дет-

ские голоса и завидовала. Так продолжалось целое лето.

Работали все. Одновременно крестьяне начинали сев. Затем вывозили на поля навоз. Навозницей это называлось. После навозницы была небольшая передышка до сенокоса. Много нужно было сена для корма скоту. И косили, сушили, убрали весь июль. Сенокосных угодий возле деревни не хватало. Косили в болоте, выезжали на пустошь где-то за Веригино, жили там некоторое время и заготавливали корм. Потом, зимой, перевозили.

После сенокоса наступала пора жатвы. Жали серпом. Жнитво заканчивалось в августе, а в сентябре — молотбы. Молотили обычно цепями. Это очень тяжелая работа. Полученное зерно надо провеять, отделить мусор. Техники не было. И делали это так. В ветреную погоду лопатой подбрасывали зерно вверх. Мусор отлетал в сторону, а зерно падало на землю. Все эти работы происходили на гумне. Гумно — это большая площадка возле овина, очищенная от травы. Когда молотили, веяли, зерно падало на чистую землю. В овине сушили снопы перед молотбы. Верхнюю часть овина загружали снопами с рожью (называлось это садить оwin), а внизу топили печку. Сушили оwin.

Кроме зерновых, сеяли лен. Из семян льна «били» масло. В Заболотье была маслобойня. Очень вкусное ароматное льняное масло. В последний год процветания нашего хозяйства собрали 40 мер льняного семени (в каждой мере 2 ведра). А сколько набрали масла, я не могу сказать.

Лен убрали с полей, потом вручную вальком выколачивали семя. Лен колотить — так называлась эта работа. Стебли льна расстилали на лугу. Какое-то время лен там лежал, потом его собирали, сушили, мяли (были ручные льномялки) и потом трепали, выбивали костигу, после чего оставались волокна льна. Зимой прядли. Эти работы продолжались до поздней осени.

И тогда пробивались ростки нового. Мои родители купили молотилку и вялку. Это была единственная сельхозтехника в деревне. Молотили

уже не цепями. К молотилке нужен привод, на который, видимо, не хватило денег. Отец сделал привод сам. Две лошади ходили по кругу, двигали колесо привода, и молотилка работала. Я видела, как слаженно, четко производилась работа. Чувствовалось какое-то вдохновение, желание все сделать быстро и хорошо. Когда я была дома во время молотбы, мать готовила завтрак и иногда посылала меня посмотреть: кончили ли молотить. Оwin был виден с крыльца нашего дома. Если лошади ходят по кругу, значит, молотят. Очень ясно я представляю эту картину.

Этот год или два были пиком благоденствия сельского хозяйства. Это апофеоз, это лебединая песня, это кульминация. Вдохновенный труд, результаты труда создавали прочность, неизбежность всего существующего, уверенность в завтрашнем дне.

Были и праздники. В Смолино престольные праздники Петров день (12 июля) и Покров (14 октября). В эти дни молодежь из окрестных деревень собиралась на гулянье. Особенно ярким был Петров день. Улица полна гуляющих. Толпа нарядных, красиво одетых, движется сплошным потоком, заполняя всю улицу от леса и до болота. И сейчас представляю, как движется по улице что-то большое, яркое и разноцветное. И тут же песни и пляски. Помню, что в этот день я очень уставала. Целый день на ногах, все надо увидеть.

Покров день был менее ярким. Не та погода. Молодежь собиралась в «избушке». Так назывался дом, в котором собиралась молодежь. Хозяину дома платили. А в частные дома приходили гости из соседних деревень. Угощались и по-своему веселились. А на второй день праздника ходил по деревне священник, служил в каждом доме молебен. Отмечали и Рождество, и Пасху, как везде. Особенно запомнилась масленица. Незабываемо катание на лошадях. Каждый хозяин надевал на лошадь праздничную сбрую, запрягали в лучшие саночки — и катались по деревне. Ездили кататься и в Заболотье.

И несколько слов о том, чем занимались зимой: привозили сено, заготавливали дрова, а вечерами... Помню такой зимний вечер. Горит керосиновая лампа. Женщины прядут, что-то зашивают. Отец плетет корзины, кресла для саней, начинает хомут или что-то еще. Прядли в начале зимы, а в конце зимы — ткали.

(Продолжение в следующем номере «Краеведческого вестника».)

Аетом 1919 года в местной газете «Трудовая неделя» (№ 28) появилось объявление о том, что работники лечебно-санитарных учреждений приглашаются для записи в профессиональный союз. Сообщалось, что его правление, избранное общим собранием 24 июня, размещается в бывшей аптеке Гильберта при отделе здравоохранения (ныне это аптека № 33 на Красногорской площади).

Это было время, когда из волостей Дмитровского, Переславского и Александровского уездов формировался Сергиевский уезд с организацией всех административных и общественных структур.

Сергиевская профсоюзная организация входила на правах отделения в союз «Всемирно-санитарный», а также в уездное профбюро, которое объединяло аналогичные структуры фабрик и учреждений.

Организатором профсоюза стал

Самые добрые воспоминания о советском времени связаны у многих с делами профсоюза. Да, было время, когда трудящимся давали жилье и профсоюзные путевки в санатории, когда наши дети на все лето уезжали в пионерские лагеря, когда было много бесплатных кружков и спортивных секций. Тогда профсоюз помнил и четко выполнял свою главную функцию — ЗАЩИТЫ тех, кто честно трудится.

А первые свои шаги профсоюз сделал в 1919 году после того, как VIII съезд РКП(б) принял новую программу партии, по которой хозяйственная деятельность подкреплена общегосударственным планом и возродились профсоюзы для связи партии с массами, для развития их творческой активности.

Сегодня мы на примере профсоюза медицинских работников вспомним о самых первых шагах сергиевского профсоюза.

Автор материала — штатный научный сотрудник краеведческого отдела Татьяна Викторовна Будникова несколько лет работала в московских архивах. Документы, которые она там обнаружила, редкие публикации местной прессы 20-х годов, а также воспоминания старожилов помогли ей нарисовать картину жизни Сергиева (так назывался Сергиев Посад до 1930 года) и раскрыть еще одну страницу его истории.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

К 80-ЛЕТИЮ СЕРГИЕВСКОГО ПРОФСОЮЗА
МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

его председатель — лекарский помощник электротехнических курсов Владимир Алексеевич Щербаков, беспартийный. Машинистка уездного здравотдела Ольга Тимофеевна Левая исполняла должность казначея.

Решения VIII съезда РКП(б) по возрождению страны затормозились наступлением на Москву Деникина. Был возобновлен призыв в армию, медработники мобилизованы на поразившую уезд эпидемию тифа, оспы и скарлатины (см. «Краеведческий вестник», № 1, 1994 год). Усилия всех профсоюзов под руководством Упрофбюро в этот период были сосредоточены на организации воскресников, дисциплинарных товарищеских судов и продовольственных отрядов, состоящих из членов разных уездных профсоюзов. Они направлялись в Уфимскую губернию, на Украину заготавливать хлеб для Наркомпрода.

В ноябре 1920 года гражданская война окончилась, и вскоре состоялась V Всероссийская конференция профсоюзов и X съезд партии (март 1921 г.). После бурной внутрипартийной дискуссии они определили роль профсоюзов при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике, закрепив за ними на многие десятилетия функцию «школы коммунизма» и «приводного ремня от партии к массам».

Уже к 1920 году правление союза медработников г. Сергиева объединило 190 членов. В то время (до 1922 года) членство являлось обязательным для каждого работающего. Кроме того, только через профсоюз можно было получить работу, паек, направление на учебу в вуз или на

курсы медсестер. Однако профсоюз не всем был доступен. Не могли состоять членами этой общественной организации служители культа, частные торговцы, бывшие фабриканты, помещики, офицеры белой армии, а также частнопрактикующие медики и ветеринары.

Первое время члены правления не освобождались от основной службы и не получали вознаграждения, кроме дополнительных пайков. Затем в смету стала включаться статья: «содержание председателя». С сентября же 1922 года весь медицинский персонал был снят с пайков. Правда, по декрету Совнаркома и постановлению ВЦСПС членам местного комитета разрешалось повышать оклады на один-два разряда тарифной ставки.

В 1922 году в стране бушевал голод, поэтому был введен твердый и урезанный бюджет. Прошло сокращение штатов, уменьшилось число командировок, лечебные учреждения начали переводить на местный бюджет. Созданный к тому времени проект единой больницы на 300 коек остался неосуществленным. Правление профсоюза активно участвовало в защите законных прав медиков: боролось за оплату сверхурочных, ходатайствовало о дополнительных пайках, содействовало увеличению фонда заработной платы, установило порядок оплаты коммунальных услуг только после полной выдачи заработка. С уездом был заключен коллективный договор, главным пунктом которого была ежемесячная выплата заработной платы. Некоторые учреждения приспособились оплачивать труд своих работников облигациями хлебного займа. Они выпускались в 1922—24 годах. Эти то-

варные облигации превращались в денежные знаки только после их погашения по цене муки. Нелегко было правлению защищать своих членов от всякого рода произвола. Заработок медработников был невысок, а их заставляли платить четыре процента в пользу голодающих, а затем один процент переводить на ликвидацию последствий голода, участвовать в «сахарном» займе, делать «добровольные» пожертвования в пользу Красной армии, участвовать в акции «неделя помощи школе». Демократизм заключался в том, что решения о всякого рода выплатах принимало общее собрание коллектива.

Местная газета строго следила за ходом подписки на займы и благотворительных сборов. Так, газета «Плуг и молот» в № 40 за 1923 год просила присылать протоколы собраний, чтобы напечатать фамилии людей, не отозвавшихся на призыв пожертвовать денежные средства в пользу Воздухофлота.

28 ноября 1921 года президиум ЦК профсоюза издает циркуляр № 229, в котором говорится о расширении земельных площадей при участковых лечебницах и об отводе земельных участков для городских учреждений под огороды и сельхозы. Появились первые коллективные огороды для сотрудников и подсобные хозяйства больниц. Сотрудники районной больницы даже использовали плуг, оставленный прежними хозяевами дома.

С 1921 года развивается социальное страхование, которое касается вначале только рабочих. Застрахованные получают льготу: прием к врачу вне очереди. А в июле 1922 года Мосздравотдел рассылает по уездам новое положение о частной

практике. Желающих, главным образом среди зубных врачей, было достаточно, врачи-частники оказались в привилегированном положении в отношении обычных врачей, что вызвало недовольство последних. Вмешался профсоюз, запретив частную практику в служебное время.

12 сентября 1922 состоялась вторая конференция членов сергиевского профсоюза медицинских работников. Она избрала новое правление из семи человек. В связи с переходом аптеки Гильберта на хозрасчет, правление поменяло свой адрес: с Красногорской площади переместилось в районную больницу. Членов нового правления называли либералами. В него вошли: главный врач районной больницы Александр Сергеевич Савваитов, заведующий терапевтическим отделением Александр Михайлович Михайлов, заведующий участковой больницей Владимир Михайлович Деметьев, санитарный врач Елена Васильевна Вахмистрова. Председателем правления был назначен С. А. Тайм, секретарем — В. А. Щербаков. Казначеем избран завхоз районной больницы фельдшер Евстафий Александрович Ярошевич. Заказав атрибуты власти — штамп и печать, новое правление направило свою деятельность на улучшение положения медработников и на оживление работы на местах. Все местные комитеты получили бесплатную подписку на районную газету, члены комитетов — вознаграждение в размере от одной до полтора тысяч рублей.

В октябре 1922 года в товарное обращение вводится червонец, союз переходит на золотое исчисление. Ему удается добиться 50-процентного вознаграждения за сверхурочную

работу и выделения двух процентов на содержание местного комитета. Заработная плата налаживается. Большой заслугой второго правления была организация кассы взаимопомощи. Она существенно поддерживала нуждающихся денежными ссудами. Правление ставит вопрос об экскурсиях и санаториях.

В связи с расширяющейся деятельностью профсоюза, правление укрепляется членами партии. С октября 1923 по май 1924 года союзом медработников руководит освобожденный фельдшер, член партии с 1919-го Михаил Петрович Воронцов — будущий заведующий уездом. В правление входили две комсомолки и три члена партии. Проведя очередную перерегистрацию членов союза, правление приступило к организации четырех пунктов для ликвидации неграмотности и семи красных уголков. В них создаются стационарные и передвижные библиотеки, читальни, выписываются газеты «Рабочая Москва» и «Труд», приобретаются портреты Ленина и Троцкого, устанавливается радио; проводятся политзанятия, громкие читки газет и книг, разворачивается антирелигиозная пропаганда.

Одновременно союз осваивает новое направление в работе: вовлечение женщин в строительство социализма. Дело это поручается Анне Максимовне Сарафанниковой — члену партии с 1922 года, кладовщице районной больницы, а также комсомолке Елизавете Ивановне Часовшиковой, санитарке. Как активные члены правления они организуют конференции женщин, на которых рассматриваются вопросы о внутреннем и международном положении, об охране труда женщин, о роли соцстраха, о религии и культурной работе. Для участниц организуются экскурсии в Мавзолей Ленина.

Включаясь в «женский вопрос», Упрофбюро вносит предложение об организации площадок для детей членов союза. Правление продолжает уже знакомую работу по распространению займов и пожертвований, по улучшению условий содержания больных в участковых больницах, создает так называемую лавочную комиссию, которая устраняет недоработки кооперативов. Появляются первые путевки в дома отдыха и санатории.

Важным делом в 1924 году явилась организация при районной больнице первых шестимесячных санитарных курсов для повышения квалификации, которыми руководил А. М. Михайлов. В мае 1924 года состав правления оставлен прежним, на должность председателя назначен член партии с 1920 года политрук собеса Сергей Иванович Данилов.

16 ИЮНЯ 1924 года сергиевский союз медицинских работников отметил свой первый юбилей: пятилетие организации.

В драмтеатре состоялось торжественное заседание. Почетными членами президиума избираются Томский, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Рыков, Семашко и Крупская. Об истории союза «Всемирно-санитарный» сделал доклад председатель Губотдела Подольный. По окончании доклада была провозглашена здравица профсоюзу, руководителям РКП(б), Профинтерну. Затем состоялась церемония чествования героев труда, на работу которых должны равняться коллективы: были рассказаны биографии старшей фельдшерицы бывшей земской больницы Олимпиады Матвеевны Осетровой, сиделок Болдыревой и Скоробогатовой, прачки Носовой и ветеринарного фельдшера Самсонова. Все они получили подарки, для чего на каждого было выделено 5 золотых рублей.

Затем поздравили 16 выпускниц санитарных курсов. Каждой вручили удостоверение и 2 книги. Празднество закончилось фотографированием всех присутствующих (см. снимок).

Так в течение пятилетия были заложены основы самой массовой организации правящего класса для приобщения сергиевских медицинских работников к строительству социализма.

Т. БУДНИКОВА.
(Фото из архива автора.)

